

Чэн И наблюдал за тем, как Ли Ляньхуа обнимается с учителем и его супругой, заливаясь слезами, и молча отошел в сторону.

Сцена воссоединения после долгой разлуки была трогательной, вот только Чэн И от этого зрелища стало немного грустно по дому. В обычной жизни из-за работы ему редко удавалось проводить время с семьей, а здесь он даже не знал, сколько времени придется пробыть.

Может, когда Ли Ляньхуа разберется со своими делами, стоит спросить у Хулицзина, сможет ли тот отправить его обратно. Хулицзин и так потратил немало сил, чтобы заключить контракт с Ли Ляньхуа, и вряд ли у него осталось много энергии, а создавать лишние хлопоты не хотелось.

Люди, привыкшие думать о других, всегда подсознательно ущемляют себя. Чэн И нашел укромный уголок, чтобы погрузиться в свои мысли. Как раз начался закат, и лучи солнца, падая на него, словно окутали фигуру золотистым сиянием.

Вечерняя заря предвещает ясный путь, завтра должен быть погожий денек.

Судя по всему, Ли Ляньхуа завтра никуда не уедет, так что стоит присмотреть местечко, чтобы порыбачить.

Троица вдоволь наплакалась, обнимаясь, и начала делиться накопившейся тоской. Цэнь По скользнула взглядом по Чэн И, а затем посмотрела на Ли Ляньхуа с легким укором.

— Друг пришел, а ты и не подумал его представить? Мы с твоим учителем сейчас поболтаем, а потом пойдем готовить. Ты пока не стемнело, покажи гостю окрестности.

На лбу Ли Ляньхуа выступила капля пота. К счастью, учитель с супругой не разглядели лица Чэн И, иначе как бы он объяснился?

Сказать, что его родители на самом деле родили близнецов и у него есть младший брат?

Не найдя подходящего оправдания, Ли Ляньхуа лишь рассеянно закивал, а повернувшись, схватил Хулицзина, прижал его к груди и зашагал в сторону Чэн И.

— Редкое воссоединение, почему бы тебе не поболтать с учителем подольше? — спросил Чэн И.

Наблюдая за приближающимся Ли Ляньхуа, он чувствовал некоторое недоумение. Ли Ляньхуа с неловким видом блуждал глазами по сторонам и машинально потер кончик носа.

— Ты, должно быть, впервые на горе Юньинь, я провожу тебя, — сказал Ли Ляньхуа.

На лице Чэн И появилась легкая улыбка, он сделал несколько шагов навстречу:

— Буду очень признателен! Как раз хотел найти подходящее место для рыбалки, чтобы скоротать ближайшие дни.

Ли Ляньхуа слегка кашлянул:

— В этом ты обратился по адресу. Я вырос на этой горе, здесь нет таких мест, которые я бы не знал.

Чэн И не удержался и тихо рассмеялся, вспоминая описанные в книгах подвиги юного Ли Сяньи. Смех в его глазах было почти невозможно сдержать.

Ли Ляньхуа посмотрел на него с немым упреком — он ведь говорил чистую правду. Только вспомнив свои детские забавы с ловлей рыбы, он понял, что именно так рассмешило собеседника.

Ли Ляньхуа слегка развернулся, избегая пристального взгляда Чэн И.

Очередной день, когда он ненавидит Ли Сяньи! Воспоминания о юности — вещь невыносимая, это, должно быть, и есть то самое социальное фиаско, о котором упоминала Сяо Гого.

Отводя взгляд от Чэн И, Ли Ляньхуа посмотрел на закат. Сегодня и правда чудесная погода!

Поняв, что уже поздно и пора возвращаться к ужину, они отправились в обратный путь.

Они неспешно прогулялись по горе, Ли Ляньхуа показал несколько рыбных мест, и вскоре они вдвоем медленно вернулись.

Чтобы отпраздновать воссоединение семьи, Ци Мушань приготовил целый стол угощений, а Цэнь По помогала ему на кухне.

Четверо шумно уселись за стол, даже Сяо Гого и Хулицзина усадили рядом, так что компания вышла почти из шести человек.

Пусть двое малышей и не могли есть, главное — участие. Особенно Хулицзин, ведь он теперь главный герой дня.

Ци Мушань был очень рад и даже выпил немного вина. После того как им довелось пережить разлуку, похожую на смерть, Цэнь По в этот раз не стала ему мешать. Сама возможность увидеть друг друга снова уже была роскошью, а уж сидеть вместе за одним столом — и вовсе

превзошло все ожидания. Она была счастлива.

Едва она успела вздохнуть о том, что Шань Гудао здесь нет, как Ци Мушань тут же сменил тему.

Хулицзин заметил, что Ли Ляньхуа приуныл, и, превратившись в щенка, подбежал, чтобы утешить его. Хотя его положение в этом доме было не самым высоким, он должен был как минимум держаться увереннее, чем некоторые фрукты.

Заметив, что настроение Ли Ляньхуа оставляет желать лучшего, Цэнь По поспешно принялась подкладывать ему еду, одновременно подмигивая, чтобы он угостил Чэн И.

Ли Ляньхуа было уже не до печали. Похоже, ему придется найти момент, чтобы объяснить все учителю и его жене, нельзя же позволить Чэн И вечно носить маску.

Он все же положил Чэн И немного легкой закуски.

Те, кто могли есть, переговаривались между собой, а те, кто не могли, весело суежились рядом. Ужин прошел в довольно теплой атмосфере.

После трапезы супруги Ци ушли, оставив Ли Ляньхуа и Чэн И в доме на склоне горы.

События этого дня стали для Ли Ляньхуа серьезным потрясением, и у него не было сил объяснять учителю и его жене историю с Чэн И.

Возвращение на гору Юньинь изначально задумывалось для того, чтобы проверить, правду ли говорил Чэн И, хотя в глубине души Ли Ляньхуа уже смутно догадывался о многом. Но, судя по тому, как вел себя учитель после своего «воскрешения», проблемы действительно были.

Учитель ни разу не упомянул старшего ученика, а когда Цэнь По случайно заговорила о нем речь, лицо учителя становилось мрачным.

Когда пожилая чета ушла отдыхать, Ли Ляньхуа взял с собой одного большого и двух маленьких спутников и направился в дом, где жил Шань Гудао.

Все загадки вот-вот должны были раскрыться. Лицо Ли Ляньхуа было суровым. Будь дело только в нем самом, возможно, не стоило бы продолжать расследование.

Но речь шла о смерти учителя, о погибших братьях из Сэгумэнь и о многих других людях, которым грозила опасность из-за возможного мятежа...

Ли Ляньхуа не мог оставаться в стороне.

Когда шкатулка, спрятанная в подушке, была открыта, и он увидел содержимое письма, стало ясно: Чэн И был прав. А когда из сундука под кроватью он извлек сломанные подарки, Ли Ляньхуа уже мог принять правду со спокойным сердцем.

Лишь глубокие царапины на именах, вырезанных на дне сундука, заставили его сердце дрогнуть.

Ли Ляньхуа сидел на стуле, погруженный в свои мысли. Чэн И не стал его утешать — иногда, столкнувшись с тем, что не укладывается в голове, нужно просто дать себе время подумать.

Чэн И молча подошел к сундуку, собрал вещи и решил вернуть их на прежнее место.

Ли Ляньхуа вздрогнул от шороха и, очнувшись, поспешил помочь.

— Думал, тебе понадобится больше времени, чтобы все осознать, — произнес Чэн И.

— Прошлое, как и люди из него, должно остаться в воспоминаниях, — ответил Ли Ляньхуа.

Чэн И подумал, что Ли Ляньхуа все же отличается от того образа, который он себе представлял. В сериале Ли Ляньхуа постепенно отпускал обиды в течение десяти лет, и в первые три года он был полон боли и гнева.

Сейчас же после битвы при Восточном море прошло всего полгода, и по логике вещей его эмоции должны были быть куда острее.

Нынешний Ли Ляньхуа, конечно, винил себя за прежнюю опрометчивость и подумывал об уходе из мира боевых искусств. Но он еще не успел вкусить сполна горестей, как встретил Чэн И, разыскавшего его у моря.

В самом Чэн И он увидел широту души и нежность, словно луч света, озаривший его серую жизнь, что ускорило его превращение в Ли Ляньхуа, хотя в нем все еще угадывались тени прежнего Ли Сяньи.

<http://bllate.org/book/21483/2198510>